

18+

СКУЛЬПТУРА
НЕ ПОКИДАЕТ
СВОЕГО
СОЗДАТЕЛЯ

ОТ АВТОРА
БЕСТСЕЛЛЕРА
«АДСКИЕ ПСЫ»

ЭСМИ ДЕ ЛИС

Натюрщик

Эсми Де Лис
Натурщица
Серия «LAV. Темный
роман на русском»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74195291
Натурщица. [роман]: Издательство АСТ; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-188090-3*

Аннотация

Натурщица

Он пришел под маской, называя себя Скульптором. Огромная сумма за один сеанс – предложение, от которого невозможно отказаться. Я думала, что это решит мои проблемы, но это стало началом конца. Его прикосновения жгли не только тело, но и душу, превращая обычный сеанс в изощренную пытку. Его тень преследует меня повсюду, его дыхание звучит в пустоте моей комнаты. Но я не стану жертвой – я выясню, кто прячется за маской, даже если ради этого придется разбить себя на осколки.

Скульптор

Я не искал вдохновения – я жаждал абсолютной власти. Власти быть ее тенью, управлять каждой эмоцией и страхом. Лили стала моим самым темным ритуалом, моим ядом и единственным противоядием. Она считает, что сможет уйти? Наивная девочка.

Скульптура не покидает мастера. И тебе понравится наказание, которое я приготовил, мой маленький дьяволенок...

Содержание

Предупреждения	6
Триггеры	7
Плейлист	8
Глава 1. Экспозиция	9
Глава 2. «Ренессанс»	20
Глава 3. Тромплёй	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лис Э. Д. Натурщица. [роман]

© Эсми Де Лис, текст

В оформлении макета использованы материалы по лицензии © shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

*Посвящается хорошим девочкам,
которые всегда выбирают плохих парней*

Предупреждения

Эта книга – не классический любовный роман. Это история о страсти, помешанной на боли, принуждении и власти.

Поступки главного героя могут вызывать отвращение, страх и осуждение.

Я прошу вас, если вас триггерят темы насилия, сталкинга или любые темы, касающиеся болезненных отношений (см. ниже список триггеров), то пожалуйста, отложите эту историю.

Для всех остальных: оставьте свою мораль за порогом. В мире Скульптора действуют другие законы.

Триггеры

- сталкер в маске;
- сомнительное согласие;
- не пистолет, а кисть;
- серая мораль;
- обездвиживание;
- удушение;
- похищение;
- ложь и манипуляции сознанием (внушение, психологическая ломка);
- груминг (подготовка жертвы к насилию любого вида);
- принуждение;
- физическое и эмоциональное насилие;
- обсессивная любовь;
- она – его лекарство, он – ее кошмар.

Плейлист

Halsey – Castle

Chris Grey – WRONG

Chris Grey – MAKEUP

Chris Grey – THE CASTLE

Chris Grey – COOL BLOODED

Chris Grey – HAUNTED

Chris Grey – MAKE THE ANGELS CRY

Chris Grey – GIVE ME YOUR LOVE

Pierce The Veil – So Far So Fake

Twenty One Pilots – Doubt

Ari Abdul – BABYDOLL

Dutch Melrose – RUNRUNRUN

Chase Atlantic – Swim

Neoni – DARKSIDE

Mr.Kitty – After Dark

Soap&Skin – Me and the Devil

Sickick – Infected

Isabel LaRosa – i'm yours

Isabel LaRosa – HAUNTED

Ex Habit – I know (faded)

Nick Alexandr – Better than you

Nick Alexandr – Right Ways

Blackbear – idfc

Глава 1. Экспозиция

Экспозиция – введение, расстановка предметов.

Лили

Кисти плавно скользят по холсту, оставляя за собой четкие изящные линии. Легкий вечерний свет проникает в студию через большие окна, нежно обвивая мою фигуру мягким сиянием, как лучи заходящего солнца касаются воды. Тени танцуют на моей коже, создавая идеальные контрасты, добавляя глубины обнаженному телу.

Я сижу на пьедестале, стараясь не двигаться. Поза спокойна. Подбородок приподнят, направляю взгляд вперед. Светло-каштановые волосы мягкими волнами падают на плечи, щекочут ключицы.

Одной рукой я прикрываю грудь, едва касаясь ее тонкой шифоновой тканью. В другой руке держу красное яблоко, поднеся его к приоткрытым губам, словно вот-вот собираюсь укусить.

– На сегодня все! Всем спасибо. – Голос куратора прорывает тишину. – Лили, можешь идти.

Я сразу чувствую, как напряжение уходит из тела. До этого момента каждая мышца была натянута. Выдыхаю, обра-

сывая с себя невидимые оковы. Ноги затекли, спина ноет от долгого сидения, но эта усталость мне знакома.

Сгребая в руку легкую шифоновую ткань, прикрываюсь и направляюсь к выходу. В зале витает запах свежей краски, древесины мольбертов и растворителя. За спиной слышен шепот художников, но я не обращаю внимания – хочу лишь переодеться, расслабиться, на мгновение забыть, что мое тело только что было объектом чужих взглядов.

Я проскальзываю в примерочную и закрываю за собой дверь. Здесь тихо. Провожу рукой по шее, разминая мышцы, и смотрю в зеркало. В отражении вижу лишь пересохшие губы, усталый взгляд зеленых глаз, чуть впалые щеки.

Мне приходится придерживаться строгой диеты, чтобы поддерживать «идеальную» фигуру, о которой все говорят. Каждый день это отказ от любимых блюд, постоянная борьба с соблазнами. Я знаю: один кусочек торта или жареной курочки, и все отразится на теле. Живот станет чуть выпуклее, а бока выдадут себя даже под самым аккуратным платьем. Эта мысль не отпускает. Каждый раз, когда я тянусь к чему-то вкусному, в голове звучит напоминание: эти маленькие радости могут обернуться большими потерями.

Передо мной тарелка – на ней снова лишь безвкусные овощи и зелень. Листья салата, нарезанные помидоры, капуста и огурцы. Все выглядит красиво, но не приносит ни удовольствия, ни насыщения. Только пустоту. Я чувствую, как с каждым кусочком она заполняет и душу. Иногда я спрашиваю

себя, стоит ли эта жертва того? Но достаточно взглянуть в зеркало, и сомнения исчезают. Правила требуют безупречности, и я подчиняюсь им.

Начинаю собираться: натягиваю свои повседневные джинсы, они идеально сидят на фигуре. Сверху – серая кофта с высоким воротником. Сапожки на небольшом каблучке, темно-серый плащ.

Уже направляюсь к выходу, когда раздается стук в дверь. Замерев, я прислушиваюсь. Никого не жду. Осторожно подхожу и открываю. Передо мной – Рейз. Он вваливается внутрь без приглашения, ветер растрепал его черные как смоль волосы, а на губах застыла нескромная самодовольная улыбка.

– Жаль. Ты уже одета, – протягивает он с видом победителя и падает в кресло, по его мнению, всегда принадлежавшее ему. – Я даже пришел раньше обычного, чтобы полюбоваться на твое прекрасное тело, Лилит.

– Обойдешься, Рейз. – Я закатываю глаза, чувствуя, как его взгляд скользит по мне. – И меня зовут Лили, а не Лилит. Хватит путать меня с этой дьяволицей.

Я бросаю в него шифоновую ткань, которой недавно прикрывала себя. Это мой способ защититься, хотя знаю: бесполезно.

– Но ты меня искушаешь, – ухмыляется он.

– Прекрати! – Я легонько бью его по плечу. Он смеется, как всегда довольный. – Лучше скажи, что было на парах?

Эва и Рори сильно злились, что я не пришла?

Эва, Рори и я – мы прошли через многое: ссоры, безумные идеи, бессонные ночи и моменты, когда держались друг за друга из последних сил. Эва, или Эвелина Ламберт, – голос разума. Она умеет слушать, заботится обо всех, всегда рядом. Ее родители спонсируют колледж Серемора, но, несмотря на деньги, она никогда не была избалованной.

А Рори, или Аврора Вальдес, – полная противоположность, наша ходячая катастрофа. Она живет импульсивно, вечно втягивает нас в приключения. Пару раз даже мы умудрились отсидеть в обезьяннике. Но без нее жизнь была бы скучной.

– Эва – нет, Рори – да, – отвечает Рейз, привычно приподнимая бровь. – Эва сказала, что пришлет тебе конспекты, если выйдешь с ними на связь. Иначе отдаст тебя Рори на растерзание.

Я бросаю на него укоризненный взгляд и снова закатываю глаза.

– Ты сможешь подбросить меня домой?

– А ради чего, собственно, я приехал сюда, Ли-ли? – Он растягивает мое имя и демонстративно крутит на пальце ключи от машины.

Рейз Дезмонд. Мой лучший друг с первого курса. Он не ладит с Эвой и Рори, ревнует к ним и всегда старается исчезнуть, как только они появляются. Девчонки его не переносят: мрачный, замкнутый, со своими тараканами в голове.

Но со мной он другой. Я единственная, кого он подпускает близко.

Его невозможно не заметить. Высокий, с резкими чертами лица и зелеными глазами, которые всегда смотрят на меня изучающим взглядом. Все в нем наполнено уверенностью, даже в моменты, когда он делает вид, что ему все равно. Только одно выдает его уязвимость – синдром Туретта. Когда нервничает, непроизвольно вскидывает подбородок. Я привыкла к этому жесту и даже нахожу в нем что-то трогательное.

Его семья – влиятельные галеристы, но сам Рейз держится подальше от их блестящего мира. В нем нет фальши, нет надменности. Он бунтарь-художник. Может, поэтому он мне так близок.

Мы часто пересекаемся на проектах, болтаем обо всем: о страхах, мечтах, жизни. Он умеет слушать. Его низкий, немного хриплый смех всегда поднимает настроение.

Но при всей нашей близости я чувствую наше неравенство. У него есть связи, возможности, уверенность. Он может позволить себе не бояться будущего. А я... просто имею меньше возможностей.

– Спасибо, – говорю я и, не думая, тянусь к нему, целую его в воздухе рядом со щекой. Щеки вспыхивают, и стараюсь замять смущение. – Ты хороший друг.

Чтобы заполнить чувство неловкости, беру сумку, когда снова раздается стук. Я вздрагиваю, поворачиваюсь к две-

ри, словно нас застали за чем-то неприличным. Делаю глубокий вдох, чтобы успокоить внезапно участившееся сердцебиение.

На пороге стоит куратор. Его лицо спокойно, но в глазах сверкает что-то другое. Он бросает быстрый взгляд на Рейза, затем на меня и натянуто улыбается.

– Ты еще не ушла? Отлично. У меня для тебя есть предложение.

Он протягивает мне визитку. Я беру ее, верчу в руках, разглядываю цифры и адрес, ощущая, как в груди просыпается странное предчувствие.

– Что это? – спрашиваю я, не скрывая любопытства.

– Свяжись с ними. Им нужна натурщица. Обещали хороший гонорар, – отвечает куратор, загадочно улыбаясь. – Ты же не против?

– Сколько? – уточняю я.

Он склоняется ближе и шепчет сумму. Краем глаза замечаю ревнивый взгляд Рейза. Его глаза сужаются, подбородок в тике нервно дергается.

– Серьезно? – выдыхаю я, не веря своим ушам. Голос звучит тише, чем хотелось бы. Я все еще не могу поверить, что речь идет о таких деньгах.

Куратор довольно кивает, он знал, что этим меня зацепит.

– Но не тяни. Они не будут ждать, – говорит он, подмигивает и исчезает за дверью, оставляя меня с Рейзом и собственными мыслями.

– Спасибо! – кричу я ему, потом рассматриваю визитку и, задумавшись, прячу ее в карман плаща.

– Идем? – Поворачиваюсь к Рейзу. Он стоит чуть в стороне, с непроницаемым лицом, но в зеленых глазах плещется что-то темное.

* * *

Рейз плавно останавливает свой черный Range Rover у моего дома, бросая на меня косой взгляд. Тяжелый внедорожник замирает мягко, хотя я чувствую, как под капотом все еще вибрирует огромная сила.

Мне всегда нравились машины. Я выросла в районе, где папа часами копался в старых движках, и я научилась отличать дешевую марку от роскошной. Этот «Ровер» – машина для убийства. Я слышала, как работает этот мотор на трассе: низкий, утробный рокот пятилитрового V8 с нагнетателем. Звук, который ни с чем не спутаешь.

Я тянусь к дверце, открываю ее и выскальзываю наружу, ловко закинув сумку на плечо. Холодный воздух сразу же обжигает кожу, заставляя поежиться.

Хлопок двери звучит слишком громко в тишине улицы.
– Даже не пригласишь на чашку чая? – В голосе Рейза насмешка, но я улавливаю легкую обиду. Я знаю его слишком хорошо, чтобы не заметить.

– Пока, тупица, – бросаю я через плечо, застегивая плащ

до самого подбородка.

Он усмехается, а я машу ему рукой, не оборачиваясь.

Вижу краем глаза, как он не отъезжает с парковки, наблюдая за мной. Лишь когда я захожу в дом, за спиной двигатель его машины оживает, и звук постепенно тает вдали.

Внутри тихо и тепло. Мой маленький дом будто вздыхает вместе со мной, принимая обратно.

В воздухе висит привычный запах растворителя, масляных красок и остывшего кофе. В полумраке комната кажется совсем крошечной, тем более что половину пространства занимает мой мольберт, старая кровать с наброшенным пушистым пледом, диван, изношенный ковер и роутер в углу с мерцающим красным глазком. Повсюду – на полу, на столе, на узком подоконнике – разбросаны подрамники и листы с набросками углем. Стены увешаны неудавшимися этюдами, которые мне жалко выбросить.

Свет уличного фонаря падает на незаконченный холст в углу, превращая пятна краски в причудливые тени. Здесь тесно и пахнет скипидаром, но это моя мастерская и моя крепость. Пусть и с картонными стенами. Я скидываю сапоги у порога, разминаю затекшие плечи и подхожу к небольшой стопке писем у входа. Пальцы автоматически пролистывают конверты – счета за электричество, рекламные буклеты пиццерии, снова счета.

Внезапно рука замирает. Среди дешевой бумаги выделяется плотный кремовый конверт с золотым тиснением. Герб

колледжа Серемора. Странно. Оценки приходят на электронную почту, новости кампуса – в приложение. Официальные бумажные письма администрация рассылает только в исключительных случаях. Дурное предчувствие ледяной иглой колет под ребрами.

Я медленно надрываю край конверта. Вынимаю сложенный втрое лист. Пробегаю глазами по первым строчкам, напечатанным сухим канцелярским языком. Смысл доходит не сразу, мозг отказывается воспринимать написанное.

*«Уважаемая мисс Лили Деверро, настоящим уведомляем вас о пересмотре условий вашего зачисления... Ваша имен-
ная стипендия аннулирована с текущего семестра по реше-
нию попечительского совета...»*

Дыхание перехватывает. Я читаю дальше, и буквы начи-
нают плясать перед глазами.

*«Статус обучения изменен на: “Платная основа”. Для
продолжения обучения вам необходимо внести 50% от годо-
вой суммы до 31-го числа текущего месяца. В случае неупла-
ты вы будете отчислены за нарушение контрактных обя-
зательств».*

Внизу жирным шрифтом выделена сумма. Лист выпада-
ет из ослабевших пальцев и, кружась, опускается на грязный
коврик. Меня накрывает тошнота. Это целое состояние. Это
больше, чем я могу заработать за год, даже если буду рабо-
тать в три смены. Тридцать первое число – через неделю.

Я сползаю по стене вниз, прямо на холодный пол, и закры-

ваю глаза. В висках стучит кровь.

Он все-таки сделал это.

– Черт... – шепчу я, прикусывая губу.

Руки сами тянутся в карманы плаща – и там нащупываю что-то плотное.

Визитка.

Тонкие черные буквы на матовой бумаге. В голове всплывают слова куратора: «Хороший гонорар».

Я долго верчу визитку между пальцами.

Может, согласиться?

В этот раз выбора у меня действительно нет.

Достаю телефон из сумки. Сердце бьется неровно, пока набираю номер. Гудки тянутся мучительно долго, как будто кто-то нарочно заставляет меня передумать.

И вдруг – щелчок.

– Да? – Голос грубый.

Я сглатываю, закрываю глаза и заставляю себя говорить:

– Здравствуйте. Меня зовут Лили Деверро. Я звоню по поводу работы натурщицей.

Пауза. Тишина такая гнетущая, что я слышу собственное дыхание.

И потом:

– Приходите завтра в шесть вечера. Клуб «Ренессанс», адрес на визитке. Никому не говорите. И не опаздывайте.

Щелчок. Разговор окончен.

Я медленно опускаю телефон, чувствуя, как внутри все

сжимается. Мне не нравится этот голос. Не нравится ни тон, ни то, как легко он повелевал.

Но выбора нет.

Я подхожу к столу, включаю ноутбук и сразу набираю Эву по видеосвязи. Она отвечает после нескольких гудков, как обычно, с широкой улыбкой.

– Подруга, я уже думала, тебя похитили! – Ее голос светлый и бодрый.

– К сожалению, нет, – смеюсь я, но в смехе слышна усталость.

Мы болтаем допоздна. Эва рассказывает о первом дне в колледже, о том, как Рори снова умудрилась поссориться с директором. Я рассказываю, что нашла подработку, – только без деталей. Не упоминаю, где именно, и размер гонорара.

Когда разговор обрывается, я закрываю ноутбук и ложусь. Подушка мгновенно принимает мою голову, и глаза сами закрываются.

Глава 2. «Ренессанс»

Ренессанс (с французского Renaissance – «Возрождение») – это эпоха в истории культуры Европы (XIV–XVI вв.), которая пришла на смену Средневековью.

Лили

Я стою на тротуаре, крепко сжимая пояс сумки – так сильно, что пальцы становятся белыми. Будто этот жест способен удержать внутри все беспорядочные мысли, не дать им вырваться наружу.

Передо мной возвышается двухэтажное здание, утопающее в зелени. Панорамные окна отражают пустую улицу – и меня, крошечную, потерянную на фоне этой монументальности. Клуб «Ренессанс». Он находится в районе Шелест аллей¹. Я никогда не бывала здесь, потому что думала, что он для богатых людей и их развлечений. Так оно и есть на самом деле.

Клумбы с густыми растениями обрамляют фасад, подчеркивая его строгую элегантность, но вместо уюта они лишь угнетают. Все вокруг кажется слишком ухоженным, слиш-

¹ Шелест аллей – элитный зеленый район со множеством деревьев.

ком безупречным, словно в этой идеальности прячется что-то враждебное.

Я стою на влажном после дождя асфальте. Сердце бьется так быстро, что кажется – его могли бы услышать прохожие, если бы они здесь были. Но улица пуста. Ветер сковывает пальцы, забирается под плащ, обжигает кожу ледяным дыханием.

Я закусываю губу и чувствую металлический привкус крови. Решительно выдыхаю и делаю шаг вперед.

Толкаю дверь, и меня окутывает запах свежей краски. Воздух спертый и немного едкий.

Вхожу.

Интерьер напоминает приемную частной клиники или холл музея современного искусства: мертвая тишина, холодный свет ламп и запах дорогого парфюма с нотками озона. Мебели немного: низкие угловатые диваны из черной кожи, расставленные с геометрической точностью, и стеклянные столики на хромированных ножках.

В глубине зала, словно монолит, возвышается стойка администратора из темного полированного мрамора. За ней, идеально прямой, как натянутая струна, стоит мужчина. На нем безупречный серый костюм, волосы гладко зачесаны назад, а лицо лишено всякого выражения. Он похож не на живого человека, а на высокотехнологичного андроида-охранника.

В зоне ожидания сидят пятеро.

Ближе всех, закинув ногу на ногу, сидит эффектная платиновая блондинка в белоснежном брючном костюме. Она листает журнал, но ее пальцы с идеальным маникюром сжимают глянцевые страницы слишком сильно. Напротив нее – молодой парень, похожий на античную статую: высокие скулы, пустой взгляд, расслабленная поза, за которой скрывается напряжение хищника перед прыжком. У окна застыла хрупкая девушка с огненно-рыжими волосами. Она кусает губы и непрерывно крутит на пальце серебряное кольцо, не смея поднять глаз от пола. В тени угла, словно пытаюсь слиться со стеной, сидит мужчина постарше, в дорогом, но слегка помятом пиджаке. Он вытирает платком вспотевший лоб, хотя в помещении прохладно. И наконец, пятая – женщина с короткой асимметричной стрижкой и татуировкой змеи на шее. Она единственная, кто не выглядит напуганной.

Никого знакомого.

Стоило мне сделать шаг, как все пятеро одновременно поворачиваются, устремляя взгляды на меня. Создается липкое ощущение, что я не человек, а предмет, случайно оказавшийся не на своем месте.

Ни одного слова. Только оценивающие глаза, скользящие по мне, словно по экспонату в галерее. В этот момент я чувствую себя обнаженной, хотя плащ все еще на мне.

Делаю вдох, стараясь не выдать тревогу, но внутри все сжимается. Их взгляды пронизывают меня – ищут что-то. Что-то, чего, может быть, во мне и нет вовсе.

Но я пришла сюда работать, а не пытаться кому-то понравиться. Я чувствую, как неприятное жжение поднимается к горлу, но сжимаю губы – неловкость нужно задушить в зародыше. Эти надменные взгляды не имеют ко мне никакого отношения. Пусть смотрят. Пусть думают что хотят.

Моя цель ясна.

Прохожу мимо них, подавив в себе желание съежиться, чувствуя, как за спиной сгущается воздух. Но не оглядываюсь. Только ускоряю шаг и направляюсь к двери, где написано: «Гридерная». Дверь закрывается за мной. Здесь так же тихо, но эта тишина накрывает, как спасительное покрывало. Безопасно. Можно просто дышать, не чувствуя на себе чужих глаз.

Я считала, что уже привыкла к этим взглядам. С тех пор как стала работать натурщицей, они сопровождают меня повсюду. Презрение. Любопытство. Их глаза всегда ищут в тебе что-то грязное, будто твое тело – повод для осуждения.

Иногда я ловлю шепот за спиной и взгляды, от которых хочется просто исчезнуть, стереть себя ластиком из этой реальности. Но я держусь. Я расправляю плечи и застываю, превращаясь в глину.

Потому что искусство – это то, что удерживает меня на плаву.

Каждый раз, когда мне хочется сбежать, я вспоминаю Марину Абрамович. Она позволяла зрителям делать со своим телом все что угодно, превращая уязвимость в абсолютную

силу. Она доказала, что тело – это проводник идеи. Я говорю себе, что я – как Сюзанна Валадон, которая годами позировала Ренуару и Тулуз-Лотреку, впитывая их технику, чтобы однажды самой взять кисть и превзойти их.

Позируя, я изучаю анатомию изнутри. Я чувствую, как натягивается каждая мышца, как ложится свет на кожу, как тяжесть взгляда меняет саму суть позы. Я запоминаю эту боль, этот стыд и это напряжение, чтобы потом выплеснуть их на свои полотна. Мои картины будут живыми, потому что я знаю цену каждому штриху.

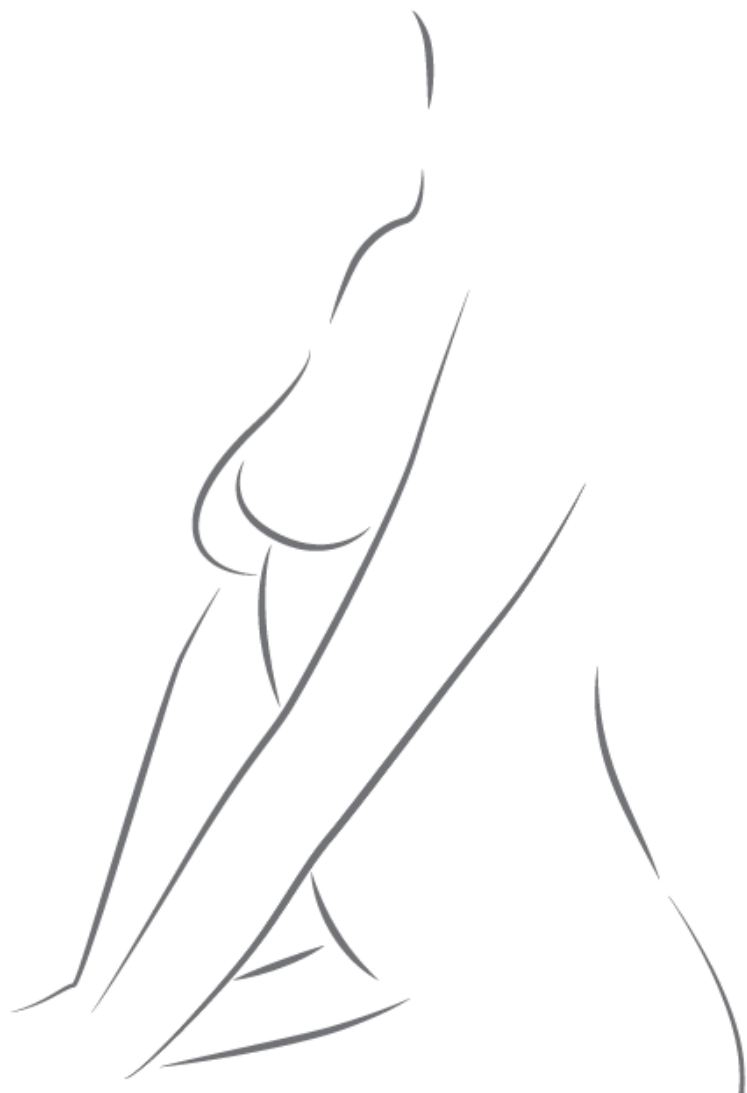
Я знаю, что, когда закончу колледж, стану художницей. Настоящей. И тогда все это – каждый унижительный сеанс, каждый похотливый взгляд – станет просто краской на моей палитре. Все это будет стоить того.

Я глубоко вздыхаю, закрываю глаза и пытаюсь выгнать из головы все лишнее.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Пора готовиться.

Я медленно снимаю одежду, чувствуя, как холод касается кожи. Беру в руки красную шелковую ткань, оставленную для позирования. Пальцы скользят по ней, когда я обвязываю ткань вокруг тела. Она струится по коже, будто живет своей жизнью.

Дерзкий пылающий красный цвет странно контрастирует с моей внутренней тяжестью. Он смеется надо мной, говорит: «Смотри, ты же сильная».

Ткань ложится идеально, ласково обвивая грудь, талию, бедра. Я двигаюсь, проверяя, не мешает ли она, и чувствую, как тело постепенно принимает новую роль.

Я выдыхаю. Осторожно открываю дверь и ступаю на холодный пол коридора. Кажется, даже само пространство следит за тем, что я сделаю следующий шаг.

Войдя в зал, снова ощущаю на себе взгляды, но я больше не прячусь. Я просто иду вперед. Они не смогут заставить меня почувствовать уязвимость. Я знаю, зачем пришла. Это моя работа, и никто не имеет права забрать у меня уверенность.

Сам зал огромен, его потолки теряются где-то в густой непроглядной черноте. Здесь пахнет скипидаром, лаком и древесиной. Но главное здесь – свет. Точнее, его отсутствие.

Пространство организовано так, чтобы скрыть наблюдателей. Единственные источники света – это небольшие узконаправленные лампы-прищепки, закрепленные на мольбертах. Они выхватывают из темноты лишь белые прямоугольники холстов и кисти рук художников. Лица, фигуры, одежда – все это утопает в вязком полумраке. Я вижу лишь силуэты.

Я пытаюсь всмотреться в тех, кто сидит в первом ряду, но яркий софит, направленный на подиум в центре, слепит ме-

ня. Для них я – как на ладони, залитая беспощадным белым светом. Они для меня – тени в партере.

Подхожу к пьедесталу. Там одиноко стоит стол и коробка с неизвестным мне содержимым.

– Мне нужны инструкции, – произношу я громко. Голос отражается от стен, эхом разносится по залу. В этот миг все взгляды вновь устремлены ко мне. Даже те художники, кто делал вид, что занят, замирают.

– Я говорю, мне нужны инструкции! – повторяю уже резче. Голос поднимается, прорывая тишину.

Едва слышный шепот растет, как волна. Меня начинает раздражать этот звук, будто кто-то шепчет прямо у моего уха. Я стискиваю зубы, сдерживаясь. Чувствую, как мои ногти впиваются в ладонь от напряжения.

И вдруг дверь распаивается.

В зал входит мужчина. Обнаженный.

Его нагота не выглядит уязвимостью, как моя. Наоборот, в свете прожекторов его тело – с рельефными жгутами мышц – кажется настоящим искусством. Он движется плавно, словно танцор, и в каждом его шаге есть какая-то гипнотическая уверенность.

На нем – белая маска, плотно прилегающая к коже. Она полностью закрывает верхнюю часть лица, отсекая лоб и глаза. Гладкий безжизненный фарфор лишает его человеческого взгляда. Это пугает больше всего: я не вижу его глаз и не могу понять, смотрит ли он на меня, в толпу или сквозь

стены. Он кажется слепой силой, которая на самом деле видит все.

Зато нижняя часть лица выставлена напоказ. Всё внимание приковано к его губам. Четко очерченные, жесткие, но с чувственностью. Когда он сжимает челюсти, видно, как под кожей перекачиваются желваки. Тяжелый волевой подбородок, словно высеченный из гранита, покрыт легкой тенью щетины.

Красная шелковая ткань обвивает нижнюю часть его тела – точно такая же, как на мне. Я невольно замираю: совпадение выглядит слишком странным.

Он останавливается в нескольких шагах. Тишина становится оглушающей. Никто не шевелится.

Он выше меня – на голову, может, больше. В свете окна его тело кажется выточенным из мрамора: плечи, грудь, живот – все четко, будто у скульптуры. Красный шелк подчеркивает это еще сильнее. На фоне его уверенности я внезапно ощущаю себя маленькой.

Черт возьми... Он выглядит пугающе.

Сердце бьется где-то в горле. Я чувствую, как ладони становятся влажными, но заставляю себя выпрямиться. Это просто работа. Всего лишь очередной сеанс.

– Ты мой партнер? – спрашиваю я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он медленно кивает. От него исходит незримая сила, будто само пространство реагирует на его присутствие.

Я делаю шаг к столу, предполагая, что там должна быть наша поза, но внутри все скручено от тревоги. Стараюсь подавить в себе желание вытереть вспотевшие ладони.

– Какие инструкции? – спрашиваю снова, уже мягче, пытаясь убедить себя, что все под контролем.

Он подходит ближе. Очень близко. Его шаги – бесшумны. Прежде чем я успеваю отреагировать, он твердо кладет руки мне на плечи и разворачивает меня спиной к себе.

Я чувствую тепло его ладоней, но следом раздается тихий шорох, и кожу обжигает сухая жесткость веревки.

Мое тело невольно напрягается, дрожит каждое нервное окончание. Дыхание сбивается. Он не говорит ни слова, только двигается. Перехватывает мои запястья, затягивает узлы, и я ощущаю, как теряю контроль над происходящим. Веревка впивается в кожу, отрезая пути к отступлению.

Неожиданно резко он наклоняет меня вперед. Холодный стол касается живота. На миг я не понимаю, что происходит, – а потом чувствую, что не могу пошевелиться. Веревка натянулась, приковывая меня к месту. Сердце бьется так сильно, что я слышу его гул в ушах. Я панически дергаю запястьями, но они намертво зафиксированы грубыми витками.

Я задыхаюсь. Нет... это не часть позы.

Паника медленно поднимается, обжигая кожу изнутри. Все тело покрывается холодным потом. Страх скользкими щупальцами сжимает мое тело в тисках.

– Что ты делаешь? – шепчу, чувствуя, как голос предательски дрожит.

Пытаюсь вырваться, но его хватка становится только крепче. Руки не слушаются, тело каменеет из-за напряжения. Тревога разливается по телу, медленно, как холодная вода, заполняя грудь.

Он молчит. Только горячее сбивчивое дыхание у самого уха. Оно сливается с моим сердцебиением, которое гремит так, будто рвет меня изнутри. Внутренний порядок рушится, уступая место дикому парализующему хаосу.

Его рука с грубой кожей скользит по моей обнаженной спине. Каждое его движение преднамеренно медленное. Он чувствует мою дрожь, впитывает ее. Я замираю, осознавая, что граница дозволенного давно пересечена.

И вдруг одним стремительным, почти хищным рывком он срывает с меня ткань. Мир раскалывается – я остаюсь перед ним абсолютно беззащитной. Абсолютно голой.

Кричу, пронзительно и неожиданно даже для самой себя. Ощущение ситуации обрушивается на меня с силой лавины.

– Прекратите! – Крик срывается с губ, но в ответ лишь гулкая тишина зала и тяжелое дыхание мужчины.

Его руки снова ложатся на меня, теперь грубо сомкнувшись на ягодицах. Сдавливающие движения причиняют боль, но еще страшнее то, что в этих прикосновениях ощущалась первобытная жадность и животная власть. Из-под маски вырывается низкий, утробный рык – звук, от которого

по коже пробегают мурашки, словно холодные иглы.

Он без малейшего колебания раздвигает мои ноги. Я захлебываюсь собственным криком, пытаюсь сопротивляться, но силы покинули тело. Горячие слезы текут по щекам. Я чувствую, как внутри все рушится.

Каждая секунда тянется мучительно долго, как будто время издевается надо мной, растягивая момент, из которого нет выхода. Я не могу ни закричать, ни двинуться – все мое тело перестало принадлежать мне. Мир сжимается до его рук, до горячего дыхания у моего уха, до стука крови в висках.

– Не надо... пожалуйста... умоляю... – Голос ломается, дрожит, становится все тише, сама надежда тает вместе с каждым словом. – Помогите мне!

Я бросаю отчаянный взгляд на художников. Их руки метаются по холстам, кисти мажут бумагу с безумной скоростью. Никто не смотрит мне в глаза, никто не слышит мои крики. Скорее всего, их мыслях только восторг творца, жадно ловящего момент.

И тогда осознаю: я одна, помощь не придет. Они не собираются спасать меня. Их холодное вдохновение нуждается именно в моей сломленности, в моем страхе.

Безысходность – это когда перестаешь верить, что что-то можно изменить.

И остается только стоять, дышать, чувствовать, как страх превращается в оцепенение.

Я растворяюсь в этом ощущении, становлюсь прозрачной, чужой самой себе. Все, что было мной, гаснет – и остается лишь холод.

Это и была моя инструкция.

Быть жертвой.

Живым этюдом чужого кошмара.

Его руки оставляют на коже следы, будто ожоги – такие, что не заживут никогда. Я чувствую их, незримые раны, что начинают гнить прямо в моей душе, растекаясь ядом по венам.

Я кричу, захлебываясь собственным голосом. Тело дергается, сопротивляется, но каждый мой рывок оказывается тщетным.

– Пожалуйста, не надо, – говорю я в пустоту. Но даже когда он медленно снимает с себя ткань, скрывавшую нижнюю часть тела, я продолжаю умолять. В голосе дрожат остатки веры в чудо, которое так и не приходит.

Он проводит ладонью по ягодицам. В этом движении есть что-то чудовищно искаженное: притворная нежность, издевательское «успокоение» перед тем, что должно произойти.

Я бьюсь, как пойманная в сети птица. Мысли путаются, но одна ясность пронзает все мое сознание: я сама согласилась.

И теперь я ненавижу всех: себя, за наивность; художников, что лишь лихорадочно выводят мазки; начальника, что отправил сюда, как на бойню; и его – мужчину, что наслаждается каждым моим рыданием, каждым изломом тела, каж-

дым моментом моей беспомощности.

Он внезапно замедляет движения, и раздается шорох, словно что-то деревянное скользит по поверхности стола. Я не вижу, что именно он берет, но сердце ударяется болезненно часто, предчувствуя новую пытку. И только тогда, когда прохладный ворс касается внутренней стороны бедра, я понимаю: это кисть.

Неизвестный в маске действует с пугающей аккуратностью, создает картину на моей коже. Каждый мазок ложится тяжелым штрихом краски, расползаясь по изгибам тела. Он медленно скользит кистью по округлости ягодиц, проводя линии, как художник, одержимый мрачным вдохновением.

Краска холодит и обжигает одновременно, прокладывая путь все ниже. Мазки становятся настойчивее, опасно приближаясь к запретной границе. Я дрожу, стиснув зубы, чувствуя, как сердце колотится в груди, готовое вырваться наружу.

– Что ты... делаешь? – Голос срывается на едва слышный, обессиленный шепот, в котором смешиваются страх и растерянность.

Но он не останавливается. Кисть продолжает свой путь.

Он не слышит меня. Или, что еще страшнее, слышит и намеренно игнорирует. Кисть двигается медленно, смакуя каждый миллиметр кожи.

Он наклоняется чуть ближе, и за маской слышится короткий, тяжелый вдох. Зверь втягивает запах своей жертвы.

Я вжимаюсь сильнее в стол, но веревки не позволяют пошевелиться. Я ощущаю себя статуей, над которой склонился сумасшедший скульптор, решивший придать ей новый, ужасный смысл.

Кисть на миг замирает у слияния бедер. Повисает мучительно длинная пауза.

И вдруг он проводит ею по клитору, останавливаясь на мгновение и надавив сильнее. Я напрягаюсь всем телом. Но необъяснимое вибрирующее чувство внезапно накрывает низ живота. Я не знаю, что это. И не хочу знать.

– Прощу... не надо... – выдыхаю я так тихо, что сама не уверена, произнесла ли слова вслух.

Мое мокрое от слез лицо безразлично смотрит на зал, где периодически ловлю взгляды художников. Но им совсем не жаль меня, они лишь пытаются перенести каждый момент моего позора на холст, чтобы получить животрепещущую картину и наверняка сорвать куш, продав ее богатым озабоченным коллекционерам.

Незнакомец водит кистью по промежности. В какой-то момент мое тело предательски начинает расслабляться от принудительных ласк. Чувствую, как твердеют соски, как наслаждение окутывает тело, как ноги почти сами начинают раздвигаться. Я не хочу этого. Не хочу ощущать *этого*. Не хочу. Не хочу. Не... хочу.

Все заканчивается так же внезапно, как и началось. Он убирает кисть, завершив свой «шедевр». В буквальном

смысле. Я чувствую, как на спине начинает расплываться неизвестная жидкость.

Я моментально понимаю: он ласкал себя. Слышу его рваные выдохи.

Ублюдок. Психопат. Ненормальный.

Мужчина наклоняется ко мне так, что чувствую его горячее дыхание около уха. Снова вздрагиваю и задерживаю дыхание.

– Чудесная композиция, не правда ли, дьяволенок? – Я впервые слышу его голос. Он до жути хриплый, отдающий вибрацией. – Ты навсегда стала моим шедевром, Лили Деверро.

Узлы ослабевают, но мышцы уже не слушаются, лишенные сил. Тело обмякает, и я бессильно оседаю на холодный каменный пьедестал.

Шелковая ткань скользит по воздуху и падает рядом. Он бросил ее, как подачку. Материя задевает бедро, медленно сползая вниз, прикрывая лишь часть наготы.

Мой насильник ушел. За ним – художники, словно стая хищных птиц, насытившихся зрелищем. Их шаги стихают, и зал погружается в мертвую тишину.

Я одна. Лежу на пьедестале, неподвижная. Вокруг красные шелка.

Холод камня проникает в кожу. И лишь одно было несомненно: этой ночью для меня больше не стало мира, каким я знала его прежде.

Глава 3. Тромплёй

Тромплёй (от французского trompe-l'œil – «обман зрения») – это технический прием в искусстве, целью которого является создание оптической иллюзии.

Лили

Я запираю дверь ванной на замок, хотя знаю, что дома одна. Дрожащими пальцами стягиваю одежду, оставляя ее грязной кучей на холодном кафеле. Подхожу к зеркалу. Мне нужно увидеть масштаб ущерба. Преодолевая тошноту, я медленно поворачиваюсь к отражению спиной и выгибаю шею.

В горле застревает беззвучный крик. Ноги подкашиваются, и я вцепляюсь в край раковины, чтобы не упасть.

Вся моя спина – от лопаток до поясницы – покрыта густой засохшей черной краской. Но это не просто хаотичные мазки. Это лицо. Мое лицо.

Он нарисовал мой портрет. Огромные, расширенные от животного ужаса глаза. Рот, перекошенный в беззвучной мольбе. Напряженные мышцы шеи. Он с точностью перенес мой страх на мою же кожу. Он украл мою эмоцию и заклей-

мил меня ею. С моей спины на меня смотрела жертва. Меня затрясло. Нужно это убрать. Смыть. Стереть. Прямо сейчас.

Я рывком включаю кран.

Обжигающая вода падает на меня сплошной стеной. Я стою неподвижно, пока кожу не начинает щипать, но мне все еще холодно. Внутри меня открылся какой-то бесконечный лед, и никакая температура не может его растопить.

Пальцы дрожат, когда я провожу ладонью по шее, по плечам. Я словно стираю свою кожу. Тру мочалкой снова и снова, пока тело не становится красным. Но грязь не уходит.

Я закрываю глаза и слышу, как капли ударяются о плитку. И вдруг понимаю, что не чувствую себя живой.

Может, я сама позволила? Сама позволила себе быть удобной для всех? Может, я и правда – не человек, а предмет, которым можно пользоваться?

Я смотрю вниз – вода течет по ногам, унося мыльную пену, но не забирает боль.

Я все еще чувствую его руки, как ожог.

Я хочу очиститься не от того, что произошло, а от того, кем я стала после этого.

Потому что сейчас во мне – тьма.

И я не знаю, как вернуть себя обратно.

* * *

Монотонный звук клавиш заполняет все пространство,

превращаясь в белый шум, который уводит меня куда-то далеко, в странное состояние полудремы. Я сижу в полицейском участке, пропуская пары, и мысли мои разбросаны между мирами. Каждый звук накатывает и отступает, словно волна, нарушая это зыбкое состояние транса.

Иногда до меня долетают отдельные слова, обрывки фраз, и они резко возвращают в реальность.

– Мисс Деверро? – Слышу голос, от которого внутри все замирает.

Я поднимаю взгляд. Передо мной стоит детектив. Его голос спокоен, сдержан, но в нем чувствуется власть. Широкие плечи, густая борода, уверенная поза – он выглядит человеком, привыкшим видеть подобных мне. Белая рубашка с закатанными рукавами, темно-коричневые штаны, на поясе – массивный пистолет. Детектив смотрит прямо на меня, и я чувствую, как его взгляд оценивает каждое мое движение.

Глубоко вздыхаю, пытаюсь прийти в себя.

Поднимаюсь со стула, вытаскивая себя из глубины своих мыслей. Спину тянет боль, мышцы налились свинцом, а поясница пульсирует от напряжения. Я слишком долго лежала вчера на том холодном пьедестале, и теперь тело отзывается ломотой, напоминая, через что прошло.

Делаю шаг к двери – и легкое головокружение накрывает меня. Пол чуть уходит из-под ног, но я удерживаюсь, стараясь не показать слабость. На секунду мелькает мысль: может, стоит поехать в больницу, провериться. Но я тут же от-

гоняю ее. Не сейчас. Не здесь.

Сейчас я просто должна идти дальше.

Я останавливаюсь, резко поворачиваясь к полицейскому, который внимательно наблюдает за мной. В груди все клокочет. Все перемешалось, как вихрь, и я не могу понять, что чувствую сильнее. Я надеюсь, что здесь, наконец почувствую хоть каплю безопасности. Но пока внутри – пустота. Ни уверенности, ни покоя.

Я глубоко вдыхаю, пытаюсь удержаться в сознании. Снаружи, возможно, я выгляжу спокойно, но внутри меня все рушится.

– Я готов вас принять, – произносит детектив ровным голосом. Он открывает дверь кабинета и жестом приглашает меня войти.

Я делаю шаг. Потом еще один. Движения даются тяжело, тело отказывается слушаться. Когда переступаю порог, чувствую запах бумаги, кофе и краски для принтера. Внутри тихо, лишь слабое гудение компьютера.

Кабинет простой: массивный стол, кресло, стопки документов в шкафах, в которых, кажется, никто не разбирался годами. Детектив проходит к столу, потертое кожаное кресло скрипит под его весом. Он начинает машинально перебирать бумаги, делая вид, что пытается навести порядок, но я чувствую: он просто тянет время.

– Присаживайтесь, – говорит он.

Я сажусь. Мягкое кресло чуть пружинит подо мной, и я

ловлю себя на том, что не знаю, куда деть руки. Они дрожат, хоть я и стараюсь этого не показывать. В голове шум, мысли скачут, как испуганные птицы.

– Меня зовут Кайл Слейтер, – произносит детектив наконец. – Я рассмотрел ваше заявление по поводу... – Он замолкает, взгляд на секунду скользит в сторону. – По поводу изнасилования.

От этого слова внутри все сжимается. Кайл берет мое заявление, глаза бегло читают строчки, пальцы размеренно постукивают по столу, отсчитывая секунды. Этот звук проби-вает воздух, заполняя паузу, и я чувствую, как внутри начи-нает подниматься паника.

Я не могу дышать. В комнате становится невыносимо душно. Мне кажется, если я сейчас не встану, не выбегу от-сюда, я задохнусь. Хочется просто выйти на улицу, вдохнуть свежий воздух, почувствовать запах дождя, услышать город.

Но я этого не делаю. Потому что если уйду – все закон-чится. Меня не услышат. Не поверят. Скажут, что я придумала. Что я слишком драматизирую.

Поэтому я просто сижу. Смотрю на этот стол, на руки де-тектива, на белую бумагу перед ним, на его безэмоциональ-ное лицо.

И пытаюсь не дать себе распасться на части.

Детектив Слейтер поднимает на меня взгляд, делая вид, что не замечает моей внутренней бури, и спрашивает прямо:

– Вы написали, что это произошло примерно в период с

19:00 до 19:30. Верно?

Я не могу ответить сразу. Губы пересыхают, словно я не говорила целую вечность. С усилием разлепляю их, пытаюсь выдавить хоть слово.

– Да, – шепчу я, избегая его взгляда. Мне кажется, что, если посмотрю ему в глаза, – станет только хуже.

Я начинаю бояться не столько детектива, сколько самой ситуации. Боюсь, что мои чувства, мой ужас, мои слова будут поняты неправильно.

Он снова нарушает тишину – его голос холоден и ровен:

– После случившегося вы пошли к администратору клуба и решили сами узнать личность насильника?

Я сжимаю пальцы на подлокотнике кресла так сильно, что суставы белеют. Не сразу, но все же отвечаю:

– Да. – Мой голос сухой и безжизненный.

– И как? Узнали?

Я вздрагиваю. Вопрос режет изнутри. На секунду замираю, не в силах произнести ни звука.

– Скульптор, – шепчу я. Мой голос едва слышен, почти теряется в тишине кабинета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.